

На правах рукописи

ТЕРЁШИНА Ольга Борисовна

РОТОНДАЛЬНЫЕ ХРАМЫ УРАЛА

Специальность 17.00.04 – Изобразительное
и декоративно-прикладное искусство и архитектура

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена на кафедре истории искусств
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент
Раскин Анатолий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Мурзина Ирина Яковлевна

кандидат искусствоведения, доцент
Каптиков Анри Юрьевич

Ведущая организация: Уральский научно-исследовательский
и проектно-конструкторский институт
Российской академии архитектуры
и строительных наук
(УралНИИпроект РААСН)

Защита состоится 12. 10. 2010 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан 07. 09. 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор социологических наук, профессор

Л.С. Лихачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Неоднократно отмечено – главным сооружением любого поселения, в том числе в России, многие века оставался храм. Именно храм являлся бесспорной архитектурной доминантой в силуэте города и определял его своеобразие, красоту и выразительность. Особое место среди памятников культового зодчества занимает ротондальный храм – редкий, хотя и известный уже с античных времен, тип сооружения. Под ротондальным сооружением понимается частный случай центрического сооружения, план которого в своей основной части имеет форму круга или правильного многоугольника, перекрытого сомкнутым сводом или куполом, опирающимся непосредственно на наружные стены или внутренние опоры без применения дополнительных конструктивных элементов (например, парусов или тромпов). Своеобразна география русских храмов-ротонд, которых вместе с известными неосуществленными проектами не более семидесяти. Основная их масса (около пятидесяти) расположена в Москве и Подмосковье, не более пяти – в Санкт-Петербурге и его окрестностях, известно по одной ротондальной церкви на русском Севере и в Сибири. Единственным, кроме столичных, очагом культового ротондального строительства на всей территории России стал Урал, традиционно считающийся провинцией по отношению к историческим художественным центрам страны. При этом семь уральских храмов-ротонд, построенных в короткий период конца XVIII – первой трети XIX вв., вызывают большой интерес. Профессиональный почерк, высокие художественные достоинства и интересные объемно-планировочные решения ставят их в один ряд со столичными постройками.

Несмотря на отсутствие специальных исследований, достаточно хорошо изучено ротондальное культовое зодчество российских «столиц» Москвы и Санкт-Петербурга, их пригородов. При изучении архитектурного наследия Урала, исторически являющегося промышленным регионом России, наибольшее внимание уделялось промышленному зодчеству и вопросам градостроительства. Уральские храмы-ротонды остались практически без внимания. В большинстве случаев нет сведений об архитекторах, не удается найти авторских чертежей, присутствует и непонимание историко-художественной ценности этих архитектурных произведений. Из семи выявленных уральских ротондальных церквей одна была снесена, три реставрированы и используются по первоначальному

назначению. Вызывает тревогу состояние остальных церквей, одна из которых не поставлена на государственную охрану.

Настоящее исследование призвано определить типологические характеристики, возможность атрибуции уральских ротондальных храмов на примере аналогичных памятников культового зодчества и их роль в архитектурном наследии России. Успешное решение этих задач невозможно без анализа пространственно-планировочной основы всего спектра ротондальных храмов.

Степень научной разработанности проблемы. При изучении библиографических источников автором не выявлено комплексных исследований, посвященных ротондальным культовым сооружениям. Эту тему затрагивают отдельные статьи, главным образом, описательного характера. Наряду с другими, ротондальные сооружения описываются в курсах истории искусств и истории архитектуры, в каталогах памятников архитектуры. Однако, при отсутствии специальных исследований храмов-ротонд, отечественная историко-архитектурная наука располагает значительным опытом анализа культового зодчества. Фундаментальной работой в области теории и истории архитектуры является труд авторитетной группы авторов «Всеобщая история архитектуры» в 12 томах. Изложенные там сведения о наиболее значимых мировых памятниках архитектуры дают возможность составить список большинства ротондальных храмов, построенных за обозримую историю, их хронологическую и типологическую классификацию. Получить дополнительные сведения об отдельных ротондальных сооружениях, дополнить список храмов-ротонд помогли исследования, посвященные архитектуре различных исторических эпох и стран (Н.И. Брунов, В. Кох, В.Г. Лисовский, Н.В. Покровский, А.Л. Якобсон).

Закономерности развития архитектурной теории и практики в России второй половины XVIII – начала XIX вв., истоки интереса и пути обращения к ротондальному культовому зодчеству, творческие методы архитекторов русского классицизма представлены в работах Ю.Я. Герчука, Н.Ф. Гуляницкого, Н.А. Евсиной, В.В. Кириллова, М.Б. Михайловой. Основной объем фактологической информации о российских храмах-ротондах содержится в каталогах памятников архитектуры Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга и его пригородов. Архитектура отдельных усадебных храмов-ротонд Подмосковья была рассмотрена во многих источниках, посвященных как российской архитектуре эпохи классицизма,

так и отдельным памятникам или архитекторам. Среди путеводителей по Московской области важное место занимают книги историка архитектуры М.А. Ильина. Ряд интересных наблюдений о специфике храмового зодчества эпохи классицизма в Подмосковье, его связях с древнерусскими и западноевропейскими традициями, содержат книги Н.Я. Тихомирова, В.С. Турчина, В.И. Шередеги.

Поскольку автора интересует связь уральских ротондальных церквей со столичными архитектурными школами, были изучены монографии об архитекторах эпохи классицизма, внесших заметный вклад в разработку типа храма-ротонды, А.И. Баженове, М.Ф. Казакове, Н.А. Львове. Эти источники дали возможность более полно определить круг ротондальных сооружений каждого зодчего и познакомиться с их особенностями, сопоставить ротондальные церкви, построенные в Москве и Подмосковье, с ротондальными церквями Санкт-Петербурга и его окрестностей (О.И. Брайцева, М.В. Будылина, А.И. Власюк, Ю.Я. Герчук, И.Э. Грабарь, Г.И. Гунькин, Т.П. Каждан, А.И. Каплун, А.А. Кипарисова, Н.И. Никулина, А.М. Харламова). Здесь же отмечается литература, освещающая творческий путь следующего поколения столичных архитекторов А.Н. Воронихина, О.И. Бове, Д.И. Жилярди, продолживших линию развития классицизма в России и использовавших в своем творчестве ротондальные купольные формы (Е.А. Белецкая, Г.Г. Грим, З.К. Покровская, А.С. Терехин).

Автор отмечает, что перечисленные выше работы дают достаточно информации для выявления группы ротондальных храмов, построенных в Москве, Подмосковье и Санкт-Петербурге. В них содержатся отдельные исторические сведения (время, место, заказчики строительства), приведены планы храмов, имеется описание их композиционных и конструктивных особенностей. При достаточно полной каталогизации памятников, не во всех случаях решен вопрос авторства, нет анализа развития композиции и стиля, типологически ротондальные церкви выделены в одну группу без анализа различий в объемно-планировочных построениях. Наиболее полно анализ особенностей развития усадебной храмовой архитектуры Подмосковья в эпоху классицизма, основные типы и стилевые характеристики этих храмов приведены в диссертации И.Е. Путятин, выполненной в 1998 г. под руководством д. иск., проф. Д.О. Швидковского. Это исследование содержит типологические характеристики храмов Подмосковья на основе выявленных отдельных пространственных единиц сооружений, их композиций и взаимного расположения главных частей. Однако и в этой работе

исследование ротондальных храмов не носит целевого характера, упомянуты лишь некоторые из них.

Поиск первоначальной информации собственно об уральских ротондальных храмах был начат с исторической и краеведческой литературы. Из справочных книг, сборников статистических сведений губерний, епархиальных ведомостей, краеведческих трудов конца XIX – начала XX вв. автору удалось наметить пути поиска интересующих исторических и фактологических сведений. Большую помощь в работе оказала энциклопедия «Челябинская область». В литературе рубежа XIX–XX вв. исторические сведения о памятниках публиковались в краеведческих и церковно-исторических исследованиях. В справочно-статистической литературе приведены обзорные сведения: указаны даты строительства церквей, храмоздатели, число престолов, а также церковный капитал, величина прихода и количество земли при церкви. Исторические сведения об исследуемых ротондальных храмах Урала дают издания конца XIX – начала XX вв.: «Уфимская епархия. Географический, этнографический и статистический очерк» И. Златоверховникова, «Уфимские епархиальные ведомости», «Екатеринбургские епархиальные ведомости», труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Первые краеведческие труды, достаточно полно освещающие вопросы топографии, истории, экономики, архитектуры Урала, появляются с конца XIX в. Наиболее известны краеведческие работы В.А. Весновского, Ф.П. Доброхотова, Д. Смышляева. Их дополняют сведения о владельцах заводов, опубликованные в «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии» и сборнике «Горные заводы, рудники и месторождения полезных ископаемых в Уфимской губернии».

История возникновения и развития многих уральских городов связана с добычей и переработкой полезных ископаемых. Поэтому строительство большинства исследуемых церквей тесным образом связано с развитием горных заводов и меценатской деятельностью их владельцев. Существует достаточно большой круг краеведческой и исследовательской литературы, посвященной этой теме. Источники содержат сведения об истории и владельцах городов-заводов, их градостроительной деятельности, описание главных архитектурных памятников, иногда есть информация и об архитекторах. Н.С. Алферов посвятил заводскому строительству на Урале ряд капитальных исследований. Градостроительные и архитектурные аспекты развития Урала XVIII–XIX вв., творчество отдельных мастеров Урала получили описание в научных работах А.Ю. Каптикова,

Р.М. Лотаревой, Е.В. Пономаренко, А.А. Старикова, А.С. Терехина. Исследованию южноуральского зодчества и проблемам сохранения архитектурных памятников посвящены работы М.П. Мочаловой – прежде всего это книга «На полуденную сторону». Исследованию архитектуры классицизма на Урале, в том числе уральским храмам-ротондам посвящены научные работы А.М. Раскина.

Объектом исследования являются ротондальные храмы Урала.

Предметом исследования являются композиционные особенности уральских ротондальных храмов, вопросы их атрибуции.

Границы исследования определены хронологическими и региональными рамками. Период строительства ротондальных храмов на Урале: конец XVIII – первая половина XIX вв., региональные границы – территория Урала (северного, среднего и южного).

Цель исследования заключается в выявлении особенностей архитектуры ротондальных храмов Урала, их значения в истории отечественной культовой архитектуры.

Задачи исследования:

1. Определение исторических условий и общих закономерностей развития архитектуры ротондальных храмов в мировой и российской практике.
2. Составление хронологии и типологии ротондальных храмов.
3. Выявление и атрибуция уральских ротондальных храмов.

Источниковую базу исследования составили труды по теории и истории архитектуры; историко-краеведческие материалы; текстовые документы, графические и фотоматериалы из государственных архивов, научно-производственных центров по охране и использованию памятников истории и культуры, фондов краеведческих музеев, частных собраний; архитектурно-строительная документация по ряду исследуемых объектов.

Методологической основой исследования являются методы универсального системно-структурного и традиционного искусствоведческого формально-стилистического анализа, графоаналитический метод. Графический и фактологический материал для исследования был получен с помощью натурного изучения с фотофиксацией исследуемых объектов и анализа исторических документов. Системно-структурный анализ был использован при разработке типологии ротондальных храмов, созданных за период VI в. до н.э. – первой половины XIX в. На ее основе с помощью графоаналитического метода были выявлены композиционно-планировочные характеристики и типологические особенности исследуемых сооружений.

Формально-стилистический анализ архитектуры уральских ротондальных храмов стал основным методом решения вопросов их атрибуции при практически полном отсутствии документов, подтверждающих авторство.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе анализа мирового и российского опыта строительства ротондальных храмов, комплексного исследования аналогичных памятников архитектуры Урала, в работе впервые выявлены география, планировочные и композиционные особенности уральских ротондальных храмов, проведена их атрибуция.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Хронология и типология ротондальных храмов на основе анализа истории мирового и российского культового зодчества.

2. Типологическая принадлежность, общие закономерности и особенности планировочной и композиционной организации уральских ротондальных храмов.

3. Их атрибуция, стилистическая связь с архитектурными школами Москвы и Санкт-Петербурга.

Научно-практическая значимость исследования. Полученные на основе этого исследования данные позволяют уточнить авторство проектов уральских ротондальных храмов, список памятников архитектуры Урала. Материал диссертации может быть использован при определении статуса и постановки на государственный учет и охрану памятников архитектуры, при разработке проектов их реставрации. Работа дополняет и расширяет представления о развитии ротондальной культовой архитектуры и может быть использована при подготовке современного издания истории отечественного зодчества, региональных образовательных программ.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли свое отражение в докладах на научных конференциях архитектурного факультета ЮУрГУ: 60-я юбилейная конференция (Челябинск, 2008), 61-я конференция (Челябинск, 2009), 62-я конференция (Челябинск, 2010). По теме диссертации опубликовано 6 работ. Материалы диссертации использованы в учебной и научно-исследовательской работе кафедры дизайна и изобразительных искусств и кафедры архитектуры Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), кафедры истории искусств Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Структура и объем диссертации. Работа изложена на 179 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. Фотографии, графоаналитические схемы и таблицы представлены в тексте диссертации и приложениях (46 страниц). Список использованной литературы включает 111 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, границы исследования, формулируются цель и задачи, характеризуется источниковая база и методология исследования, его научная новизна и научно-практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Историко-архитектурное развитие ротондальных храмов посвящена выявлению исторических условий и тенденций развития архитектуры храмов-ротонд в мировой и российской практике.

В параграфе **1.1. Развитие ротондальных форм в мировой архитектуре** автор, проследив этапы развития ротондальных форм в мировой архитектуре от первобытно-общинного периода до начала XIX в., указывает на исключительность ротондальной формы в полном объеме архитектурного творчества. Отмечается, что формирование храма-ротонды как цельного архитектурного типа с определенными объемно-планировочными и композиционными решениями происходило на протяжении исследованного периода неравномерно, история развития ротондальных форм началась с круглых в плане погребальных сооружений различных народов (толос, купольная гробница, тумулус). Как о первых сложившихся типах ротондального храма говорится о древнегреческом толосе и древнеримской фронтально-осевой ротонде, большой вклад в формирование которых внесли круглые гробницы Древнего мира. На основе античных ротонд, в свою очередь, появились раннехристианские ротондальные сооружения (мавзолеи, баптистерии, церкви), получившие дальнейшее развитие в эпоху Возрождения и барокко. Отмечается, что главным вкладом Древнего Рима в формирование храма-ротонды стало создание купольного покрытия.

На основе анализа архитектуры средних веков автор выявляет своеобразную типологическую группу храмов-ротонд, сложившуюся в тот период в Восточной Европе и Закавказье. Это центрические многолепестковые

церкви с купольным залом, коническим или зонтичным наружным завершением, наибольшее количество которых было возведено в Армении. Отмечается, что в средневековой Западной Европе безраздельно господствовал базиликальный тип христианского храма большой вместимости. Это требование невозможно было реализовать в ротонде, что связано с трудностью создания конструкции купола большого размера и погашения его распора на том уровне развития науки и техники. Однако, единичные ротондальные церкви средневековой Западной Европы, отличающиеся богатой пластикой объемно-пространственных построений, оказали большое влияние на дальнейшее строительство центрических сооружений в Европе. Итальянское Возрождение стало эпохой наиболее последовательных и разнообразных решений центрических купольных зданий, не все из которых были реализованы практически. Наиболее значительное достижение того периода определяется в работе не формированием определенной типологической группы храмов-ротонд, а большим научно-теоретическим вкладом в разработку этой проблемы как с художественной, так и с конструктивной сторон. Единичные храмы-ротонды европейских стран пост-ренессансного периода при отсутствии устоявшихся типологических признаков условно отнесены к нескольким типологическим группам.

Делается вывод о том, что преобладающим оказалось влияние античной архитектуры на все последующее композиционно-эстетическое развитие круглых сооружений. Главным элементом, объединяющим в целостную композицию как внешние объемы ротондального сооружения, так и его интерьер, был купол, размеры которого оставались незначительными на протяжении всего исследуемого периода. Римский Пантеон в этом отношении – лишь исключение. Проблема гармонической целостности в ротондальных сооружениях сменявших друг друга эпох решалась каждый раз на качественно новом содержательном, конструктивном и техническом уровне.

Представленный в параграфе **1.2. Развитие ротондальных храмов в русском зодчестве** материал структурирован по региональному и типологическому признакам, описание храмов-ротонд ведется как на материалах натурных исследований, обмеров и фотофиксаций, так и на основании графического материала и библиографических источников. На основе анализа всего спектра российских храмов-ротонд выявляются хронологические рамки их строительства и типологические особенности, причины появления в России, преимущественное строительство в ее регионах, круг причастных к проектированию и строительству

архитекторов и заказчиков. При рассмотрении ротондальных храмов в качестве главного принимается первоначальное объемно-планировочное решение без более поздних пристроев, направленных на увеличение их площади. Обращается внимание на некоторую относительность распределения церквей по группам, поскольку в одной ротондальной церкви нередко сочетались различные признаки, а позднейшие достройки изменяли типологическую принадлежность.

Главный этап в развитии русских каменных храмов-ротонд определяется в работе периодом с середины XVIII до середины XIX вв. Это этап их активного строительства в России, осмысления круглой формы и формирования на основе национальных традиций отличных от остального мира типов ротондальных памятников. Он связан с активно развивавшимися в то время экономическими и культурными связями России с Западной Европой, творческим переосмыслением и интерпретацией классических образцов архитектурного наследия. Отмечается, что основное влияние на архитектуру русских храмов-ротонд оказал образ представляющегося в то время идеальным античного храма и западноевропейского храма эпохи классицизма, архитектурные теории великих мастеров эпохи Возрождения, а также образ ротонды храма Гроба Господня в Иерусалиме. Творческая переработка архитектурного наследия велась без непосредственного воспроизведения западноевропейских или иных образцов с ориентацией на русскую традицию храмостроения.

Автор отмечает, что особое распространение и последовательную разработку российские храмы-ротонды получают в подмосковном усадебном строительстве в 1770-х – 1820-х гг., т.е. в период становления и расцвета классицизма в России. Авторами проектов храмов-ротонд были известные столичные архитекторы и мастера их круга. Наибольшее число проектов русских ротондальных храмов принадлежит В.И. Баженову, М.Ф. Казакову, Н.А. Львову, О.И. Бове. К началу 1780-х годов идеи палладианства преобладают в творчестве И.Е. Старова, завершается формирование творческой индивидуальности В.И. Баженова, М.Ф. Казаков занимается активной практической архитектурной деятельностью. В это же время к работе приступают представители более молодого поколения русских архитекторов: Н.А. Львов – приверженец идей Андреа Палладио, московские архитекторы – Е.С. Назаров, И.В. Егоров и другие. На рубеже XVIII – XIX вв. к самостоятельной работе приступили ученики архитектурной школы М.Ф. Казакова. В первой половине XIX в. ротонды используют в культовом строительстве О.И. Бове и Д.И. Жилярди. Патриархом ротондального

культового зодчества в России называется М.Ф. Казаков. Восприняв идеи, дух творчества В.И. Баженова, он создал храмы-ротонды, вызвавшие множество подражаний. Речь идет о храмах, построенных по трехчастной схеме «кораблем», при которой на одну ось «нанизывается» колокольня, трапезная и собственно храм, выполненный Казаковым в форме ротонды. Группа трехчастно-осевых ротонд «кораблем» является наиболее многочисленной типологической группой ротондальных памятников России, получившей широкое распространение из-за сочетания национальных традиций с новыми приемами композиции. Отмечается, что именно в русских ротондальных храмах, построенных по этой схеме, заключено несомненное своеобразие, отличающее их от круглых в плане культовых построек других стран.

Анализ архитектуры российских храмов-ротонд начинается в работе с центрических многолепестковых, крестообразных и «чистых» ротонд, первоначально еще не ассимилированных к русским традициям храмостроения. В 1760-х – 1770-х гг. появляются центрические композиции на основе трехчастных схем – симметрично-осевые с равновеликими объемами алтарной апсиды и западного притвора, симметрично расположенными относительно основного ротондального объема. К этому же времени относится и появление центрической композиции с вписанными в треугольник ротондальными объемами собственно храма, алтаря и двух приделов. Отмечается, что в дальнейшем развитии храмов-ротонд центрическая композиция используется редко, ведущее положение занимает продольно-осевая композиция сочетания основного ротондального объема с различными объемами остальных частей храма. Вызвано это было, главным образом, необходимостью увеличить вместимость церкви. С 1780-х гг. появляется преобладающая в дальнейшем трехчастно-осевая композиция «кораблем». Большинство церквей конца XVIII – начала XIX вв. были построены, а более ранние центрические церкви позднее достроены по этой композиционной схеме. Приводятся примеры редких композиционных решений храмов-ротонд, которые можно увидеть лишь в нескольких культовых сооружениях – это многоцентровые и «скрытые» ротонды, а также не вынесенные в отдельную типологическую группу «двухбашенные» храмы-ротонды и храмы «под звоном». В качестве особого по своему характеру признака, не имеющего непосредственной связи с композицией остальных частей храма, указывается наличие двух башен-колоколен, не всегда являющихся собственно колокольнями. Двухбашенная композиция западного

фасада получила достаточно широкое распространение в архитектурной практике второй половины XVIII в., однако в сочетании с основным ротондальным объемом применялась редко. Двухбашенным храмам-ротондам были присущи признаки, относящие их одновременно к другим типологическим группам. Несколько подмосковных храмов-ротонд, относящихся к разным типологическим группам, имеют редкую для рассматриваемого периода ярусную центрическую композицию «под звоном».

В работе выявлены стилистические особенности российских храмов-ротонд. Первые ротондальные церкви были решены в формах барокко с преимущественно многогранными основными объемами. Во второй половине XVIII в. характерный для Западной Европы «граненый» объем сменяется более торжественными и спокойными формами круглых ротонд. Завершением ротонды являлись купол или многолотковый свод, которые в свою очередь могли завершаться купольной световой ротондой-барабаном и главой, создававшими ярусную композицию, или только главой на барабане. Основная масса ротондальных сооружений в России выполнена в формах классицизма с обращением к памятникам античности и итальянского Возрождения, к французским архитектурным образам эпохи Просвещения. С окончанием эпохи господства классицизма заканчивается и период строительства ротондальных церквей в русских «столицах» и их окрестностях.

В выводах по 1 главе обобщается история строительства ротондальных храмов и отмечается, что среди огромного мирового архитектурного наследия ротондальные сооружения занимают незначительную долю в силу конструктивного ограничения их размеров. В результате системно-структурного анализа были выявлены основные типологические группы ротондальных храмов с различным характером объемно-планировочной структуры, установлены хронологические рамки их возведения, что отражено автором в двух таблицах: храмы-ротонды в мировой архитектуре и храмы-ротонды в архитектуре России.

Глава 2. Особенности архитектуры ротондальных храмов Урала посвящена анализу планировочных и композиционных особенностей уральских ротондальных храмов, вопросов их атрибуции и значения для уральского региона и российской архитектуры в целом. Выявленные уральские храмы-ротонды на основании существовавшего на время их строительства административно-территориального деления находились в Оренбургской и Пермской губерниях. В настоящее время это территория

Пермской, Свердловской, Челябинской и Курганской областей. По своему назначению и характеру заказа уральские храмы-ротонды отнесены к заводским (Преображенская церковь в Верхнем Уфалее, церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Миньяре, церковь в честь Сретения господня в с. Илек), кладбищенским (Всехсвятская церковь в Перми) и приходским (Никольская церковь в Усолье, церковь во имя Николая Чудотворца в с. Кленовском, Крестовоздвиженская церковь в с. Звериноголовском). Был рассмотрен и неосуществленный проект ротондальной церкви для Нижнего Тагила. Схема расположения уральских храмов-ротонд приведена на рис.1.

В параграфе **2.1. Ротондальные храмы с трехчастно-осевой композицией «кораблем»** рассматриваются неосуществленный проект и три уральских храма-ротонды, относящиеся к этой типологической группе. Исследование архитектуры ротондальных храмов Урала начинается с наиболее раннего **проекта церкви для Нижнего Тагила** – центра горнозаводского округа крупнейших заводовладельцев Демидовых. Этот проект осуществлен не был. На основании анализа аналогов он датируется началом XIX в. Наиболее близок этот проект Петропавловской церкви, построенной в качестве усыпальницы Демидовым в их подмосковном имении Петровское в 1805–1812 гг. Исследователи относят ее к «казаковской» школе, хотя авторство самого Казакова тоже не исключается. Демидовы принадлежали к тем редким на Урале XVIII в. заказчикам, кто мог позволить себе обратиться к столичным архитекторам. Обе церкви имеют классическую трехчастно-осевую композицию «кораблем». Двусветная ротонда церкви, перекрытая сферическим куполом, дополнена ротондальной в плане алтарной апсидой. Боковые входы в ротонду украшены портиками. Ее купол завершен высоким стройным барабаном с маленьким сферическим же куполом. Прямоугольная (почти квадратная) трапезная без приделов соединяет ротонду храма с трехъярусной колокольной. Углы трапезной срезаны в Петропавловской церкви и скруглены в проекте для Нижнего Тагила. Указывается, что обе церкви имеют единое происхождение. Это разные варианты проекта одной церкви или модификация проекта одной церкви для строительства другой.

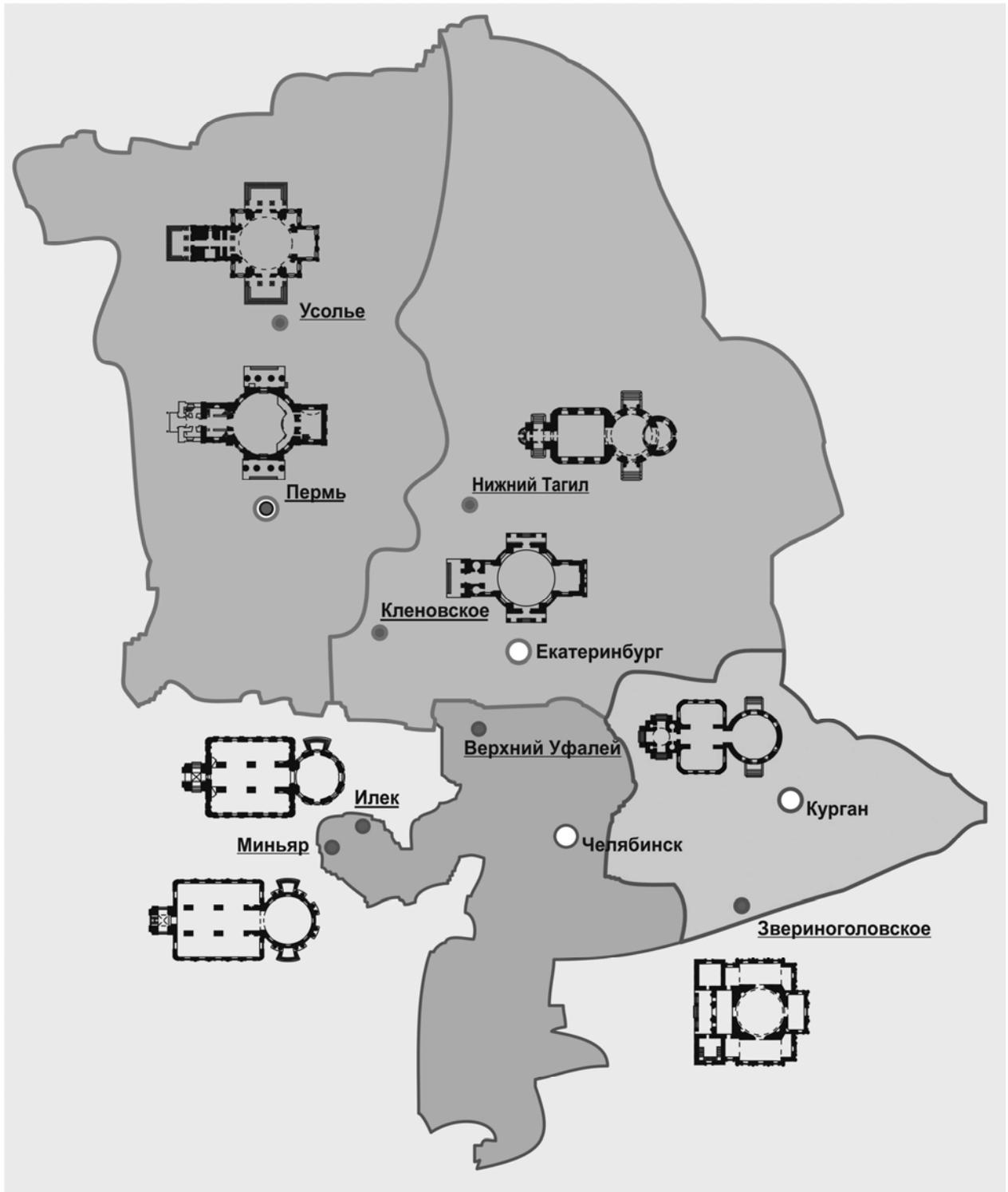

Рис. 1. Схема расположения уральских ротондальных храмов

Далее исследуется архитектура уральских заводских церквей: Преображенской Верхне-Уфалейского завода М. Губина (1816–1819), Введенской Миньярского (1819) и повторяющей ее основные черты Сретенской Илекского (1830-е) заводов И. Бекетовой, расположенных в настоящее время на территории Челябинской области. Все три церкви построены по присущим казаковским храмам схемам с последовательным сочетанием самостоятельных и, вместе с тем, взаимосвязанных объемов: колокольни, трапезной с приделами и главной части храма – ротонды. Их купольные ротонды не имеют алтарной апсиды. Пониженные широкие двухпридельные трапезные соединяют ротонду храма с колокольней, создавая богатую многообъемную композицию. Отмечается использование характерных приемов московского зрелого классицизма: абсолютная цельность цилиндрического внутреннего пространства главного храма и скругленные стены приделов трапезной.

Доказывается, что **Спасо-Преображенский храм** г. В.Уфалей, взорванный в 1940 г., являлся прямым аналогом московского храма, построенного М.Ф. Казаковым в начале 1790-х годов для Демидовых на Гороховом поле в Москве. Сходная по своим размерам уфалейская церковь несколько скромнее московской: композитной колоннаде, охватывающей нижний ярус ротонды Вознесенской, соответствуют пилястры тосканского ордера в Преображенской, вместо восьми люкарн купола первой ротонды – лишь четыре во второй, много короче и проще по конструкции шпиль, венчающий колокольню уфалейской церкви. Авторство М.Ф. Казакова не вызывает сомнений, учитывая что Губины входили в круг заказчиков Казакова, усадьбу Губина на Петровке в Москве строили по его проекту в 1790-е гг. Выявляются похожие композиционные и объемно-планировочные решения в Спасской церкви усадьбы Иславское, построенной предположительно по проекту Казакова. Основной ротондальный объем уфалейского храма выполнен двусветным под полуциркульным куполом. Нижние ярусы ротонды, колокольни и соединяющая их трапезная имеют одинаковую высоту. Эти три части объединяет единое композиционное решение членений стены. Все три яруса колокольни имеют арочные проемы и богатую ордерную декорацию. Интересны завершения ротонды и колокольни. Купол колокольни повторяет в уменьшенном виде купол ротонды и также украшен люкарнами по продольной и поперечной осям. Купол ротонды завершен круглой беседкой-бельведером с луковкой, купол колокольни – шпилем. Эти детали придают зданию церкви особое изящество и легкость.

Миньярская и илекская ротонды аналогичны уфалейской и упоминавшейся московской. Особенно красива **церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы** в Миньяре. Ей уступает в высоте ротонды и колокольни и, тем не менее, повторяет ее основные черты **церковь в честь Сретения господня** в с. Илек. Обе эти церкви были построены по проекту московского архитектора, помощника и ученика М.Ф. Казакова – Е.Г. Малютина. В работе аргументированно доказывается, что он использовал казаковский проект. Миньярскую церковь выделяют пластическое богатство, разнообразие присущих классицизму форм, нюансированные связи между по-разному решенными основными объемами (колокольня, трапезная, ротонда). Связь осуществляется не столько повторением элементов при различиях в их архитектурной роли, сколько визуальным совпадением их уровней. Куда более важную роль играет стилистическое единство, повторяемость отдельных форм, их архитектоника. Обращается внимание на лаконизм использованных форм, отсутствие мелких деталей. Исключение составляют лишь чугунные консоли под карнизом барабана главки, венчающей трапезную, и другие – поддерживающие яблоко ее креста. Это объясняется тем, что чугунное литье не могло повторять формы всех остальных, выполненных в камне, деталей. Среди ротонд российских храмов подобного типа миньярская выделяется и высотой, и архитектурным решением. Ее двухъярусная композиция в отечественном культовом зодчестве аналогов не имеет. Каждый из ярусов имеет по два уровня оконных проемов. Колоннада, охватывающая первый ярус, представляет собой колоссальный (поскольку охватывает два уровня, имитирующих этажи) ордер спаренных трехчетвертных колонн с дорическими капителями и двухчастным антаблементом с высоким гладким архитравом и карнизом активного выноса. В работе отмечено, что особенно ярко «казаковский почерк» проявился в деталях этой церкви. Так, третий, верхний ярус колокольни миньярской церкви почти полностью воспроизводит характерные формы фонарика купола московской церкви Космы и Дамиана на Маросейке, построенной по проекту М.Ф. Казакова в 1791–1803 гг. Указывается на то, что повторение уже апробированных форм и приемов нередко встречается в казаковских постройках. Предполагать же прямое заимствование в случае миньярской церкви трудно, ибо, воспроизводя, как и уфалейская, исходную схему Вознесенской на Гороховом поле, характером своей архитектуры она не повторяет ни одну из известных ротондальных церквей и по художественным достоинствам стоит

в ряду с такими прославленными произведениями, как Вознесенская церковь на Гороховом поле, Косьмы и Дамиана на Маросейке, Филиппа Митрополита на 2-й Мещанской в Москве.

Автор исследования отмечает, что при существенных изменениях в верхнем ярусе основных объемов илекской церкви, ее план, объемное построение и композиционное решение нижнего яруса повторяют миньярскую. При этом замена трехчетвертных колонн нижнего яруса ротонды пилястрами привела к упрощению фасада, сделала его плоским и менее выразительным. Двухъярусная колокольня илекской церкви имеет пониженный первый ярус, нарушивший целостную композицию, обусловленную визуальным совпадением в миньярской церкви уровней нижних ярусов колокольни и ротонды. Завершение колокольни более простое, без фигурного барабана, который, при упрощении остальных форм, здесь был бы явно неуместен. Верхний ярус колокольни, завершенный сферическим куполом с главкой, напоминает Варваринскую церковь архитектора Р.Р. Казакова в Москве. Несмотря на то, что Сретенская церковь в Илеке несколько проще и суше в своем декоративном убранстве, делается вывод, что это памятник архитектуры с высокими художественными достоинствами, отличающийся большей лапидарностью.

В параграфе **2.2. Ротондальные храмы с симметрично-осевой композицией** исследуется архитектура уральских ротондальных храмов, относящихся к этой типологической группе. Это храмы, расположенные на территории современных Свердловской и Пермской областей: Никольская церковь в Усолье (1820-е), Никольская же в Кленовском (1822–1842) и Всехсвятская в Перми (1832–1837). От аналогичных подмосковных церквей казаковской школы они отличаются наличием колокольни над равновеликим в плане алтарной апсиде западным притвором. Выявляются существенные композиционные и конструктивные особенности, отличающие церкви в Усолье и Кленовском и не позволяющие отнести их к одной из известных архитектурных школ.

Авторство проекта **Никольской церкви** в Усолье приписывают предположительно архитектору А.Н. Воронихину. Новые исследования делают более чем сомнительным его авторство. В работе доказывается, что Никольская церковь в Усолье однозначно не может принадлежать руке мастера московского или петербургского круга, не удастся найти сколько-нибудь близких аналогов среди столичных церквей. Убедительно доказывается авторство ученика и помощника А.Н. Воронихина –

И.М. Подъячева. Наиболее ярко свидетельствует об этом план и конструктивное решение самой ротонды, а также объемная композиция церкви, которая характерна для многочисленных так называемых «подъячевских» церквей в вотчинных селах Прикамья. План церкви крестообразный, вытянутый по продольной оси восток-запад. Эту ось выделяют примкнувшие к основному кубическому объему колокольня и прямоугольная в плане апсида, в поперечном направлении малые ветви креста образованы портиками боковых входов. Гладкий цоколь, карниз и аттик опоясывают все здание церкви и объединяют равные по высоте объемы первого яруса колокольни, собственно храма и апсиды. Визуально совпадают и уровни второго яруса колокольни и уже цилиндрического в этом ярусе объема храма, который выглядит как массивный световой барабан. Внутреннее пространство ротонды в первом ярусе также имеет крестообразную форму со скошенными углами, к которым пристроены треугольные помещения-карманы. Именно они достраивают внутреннюю ротонду до внешнего кубического объема. Крестообразный план первого яруса ротонды переходит во втором ярусе над арками в восьмигранник и в верхнем ярусе в цилиндр. Отмечается, что Никольская церковь в Усолье – наиболее яркая среди многочисленных проектов и построек церквей, выполненных И.М. Подъячевым и помогающих обнаружить композиционные изменения, наметившиеся в культовой архитектуре Прикамья в начале XIX в. Речь идет о создании церквей, сохраняющих следы плана «кораблем» и вместе с тем весьма близких, особенно в рисунке плана, к симметрично-осевой типологической группе. В них варьировались силуэт колоколен и завершение купола, но целиком сохранялись рисунок плана и соотношение масс. Являясь монументом в честь победы России над Наполеоном, Никольская церковь в Усолье получила наиболее впечатляющий образ и богатую художественную обработку всех ее элементов.

Церковь во имя Николая Чудотворца построена в Кленовском в 1822–1842 гг. Присущие этой церкви особенности не позволяют автору достаточно доказательно решить проблему атрибуции, отнеся ее к одной из известных архитектурных школ. К основному, круглому в плане объему церкви, как и в подмосковных симметрично-осевых ротондах, примыкают с востока и запада равновеликие объемы алтаря и притвора. Однако указывается на ряд существенных деталей, отличающих ее от остальных церквей. Первым в этом ряду отличий является наличие трехъярусной колокольни, верхние ярусы которой покоятся на западном притворе церкви,

что нарушает ее симметричную композицию и близко наиболее обширной типологической группе русских ротонд с трехчастно-осевой композицией «кораблем», от которых отличается отсутствием трапезной. Отмечается, что церковь в Кленовском, как и церковь в Усолье, занимает промежуточное положение между этими двумя типами. Кленовская церковь не связана и с именем И.И. Свиязева, построившего на 10 лет позднее ротондальную церковь в Перми. Решающим для такого утверждения оказывается не только последовательность строительства церквей в Кленовском и Перми, а также их стилистические и конструктивные особенности, в которых отсутствует преемственность решений. К ротонде храма кроме прямоугольных в плане объемов алтаря и притвора, примыкают с севера и юга равные им по ширине ризалиты. Таким образом, возникает симметричная по продольной и поперечной осям форма креста, развитого по западно-восточной оси, где самая ротонда занимает место средокрестия. Основной крест нижнего объема церкви на своих торцах завершают четырехколонные дорические портики с фронтонами. Циркульный, но пологий центральный купол снаружи повторяет лишь верхнюю половину внутреннего купола. Нижней части внутренней полусферы снаружи отвечает аттик (такой прием нехарактерен для казаковской школы). Отмечается своеобразие кленовской церкви, заключающееся в том, что ее ротонда решена в виде креста не только снаружи, но и внутри. Система пристенных пилонов с арками создает в интерьере форму креста со скошенными углами между его сторонами, вписанного в круг. Наиболее близкие аналогии кленовской церкви автор обнаруживает в архитектуре того типа церквей, которые условно названы «подъячевскими». Связь с ними Никольской церкви в Кленовском представляется очевидным, при том что среди церквей такого типа нет другой ротондальной, кроме «скрытой» ротонды церкви в Усолье. Сопоставляя планы этих двух церквей, автор доказывает, что они явно родственны. Являясь примером подъячевских церквей в прикамских землях Строгановых, Шуваловых, Бутеро и Лазаревых, эта церковь стоит в ряду лучших ротондальных храмов России.

Церковь Всех Святых была построена позднее остальных уральских храмов-ротонд на «Новом» (Егошихинском) кладбище в Перми по проекту архитектора И.И. Свиязева. В работе дается ссылка на дело о постройке в Перми каменной кладбищенской церкви за 1823–1840 гг. из Государственного архива Пермской области, где можно узнать историю ее строительства. Всехсвятская церковь отнесена к группе симметрично-осевых

ротонд и схожа по объемной композиции в первую очередь с Никольской церковью с. Кленовского: ротонда храма и симметричные в плане апсида и западный притвор, колокольня над притвором, нарушающая симметрию фасада, обработанные четырехколонными портиками боковые входы в храм. Однако выявляются различия в конструкции самой ротонды. Ротонда Всехсвятской церкви идеально круглая в плане внутри, снаружи имеет неглубокие северный и южный ризалиты, отвечающие портикам входов. Эти портики вместе с апсидой и притвором образуют в плане наружный крест храма. Над крестообразным нижним ярусом возвышается массивная ротонда с полуциркульным куполом и колокольня. Всехсвятская церковь не сохранилась в первоначальном виде. В 1879 г. губернатором был утвержден проект пристроя притвора, а в 1905–1907 гг. над ним выстроена новая колокольня, старая демонтирована. Более поздний пристрой изменил первоначальный облик храма, нарушив симметричные пропорции плана и фасада, на которых настаивал Свиязев. Отмечено, что интерьер ротонды Всехсвятской церкви отличает большая цельность. Многократно повторяющийся мотив арки, прорезающей гладь стены ротонды, придает ей легкость и нарядность, акцентирует круглую форму храма. Всехсвятская церковь характеризуется как наиболее строгая классицистическая постройка из всех уральских храмов-ротонд, с укрупненными простыми формами, практически лишенная декоративных элементов. Присущие ей стилистические особенности обуславливаются в работе как временем строительства, связанным с новым этапом развития классицизма в направлении лаконизма архитектурной формы, так и ее автором – наследником петербургской академической архитектурной школы.

В параграфе **2.3. Ротондальные храмы с композицией «скрытая ротонда»** исследуется архитектура церкви в честь **Воздвижения Креста Господня** с. Звериноголовское (до 1826 г.), стоящей отдельно от предыдущих церквей по объемно-планировочному решению. Двухбашенная, с «глубоко спрятанной» между прямоугольными в плане помещениями притвора, приделов и апсиды ротондой она отнесена к «баженовскому» кругу церквей, расположена на территории Курганской области. В качестве ее подмосковных аналогов указываются Преображенская церковь усадьбы Пехра-Яковлевское (1777–1782) и церковь Владимирской иконы Божией Матери усадьбы Баловнево (1799–1820), приписываемые В.И. Баженову. Крестовоздвиженскую церковь роднит с ними не только наличие двух колоколен, но и использование в архитектурно-художественном оформлении

фасадов четырехколонных портиков. По объемно-планировочному решению церковь относится к редкому типу храма «скрытая ротонда». Кроме того, это единственный ротондальный храм на Урале, обладающий двухбашенной композицией, и один из трех двухбашенных ротондальных храмов России. Главный храм решен в виде ротонды, заключенной в массивные стены четверика. В наружном облике церкви ротонда прочитывается как низкий трехступенчатый барабан массивного купола. С запада по осям приделов приставлены две трехъярусных башни-колокольни, фланкирующие паперть и притвор. Сочетание простых объемов и их строгое, лишённое декоративных элементов архитектурное оформление создают цельный образ храма. Он с первого взгляда поражает своей богатой, пластически разработанной, многоступенчатой композицией. Восемь люкарн чуть восходящего купола хорошо освещают естественным светом ротонду, в интерьере которой чередуются широкие дверные проемы с лучковыми арками и полукруглые в плане ниши в полуциркульных арках. Прямых аналогов звериноголовской церкви автору исследования обнаружить не удалось, а оригинальность замысла позволила сделать вывод о вполне возможном использовании проекта выдающегося зодчего.

В **выводах по 2 главе** обобщаются особенности архитектуры уральских ротондальных храмов и отмечается, что их появление на Урале связано в первую очередь с личностью заказчиков строительства – в большинстве случаев крупных заводо- или землевладельцев.

В **Заключении** отмечается, что ротондальные храмы не только в России, но и во всем мире – уже достояние истории. XIX век стал завершающим на долгом пути формирования храмов подобного типа. В российском зодчестве этот финал проявился наиболее ярко и многообразно, а заключительные аккорды прозвучали именно на Урале. Автор обращает внимание на то, что удаленность Урала от столиц на долгие годы оставила его зодчество без внимания историков архитектуры при том, что ротондальные храмы этого региона – одна из ярких страниц культового зодчества, без которой архитектурная картина мира не может быть сколько-нибудь полной. Поэтому, подводя итоги работы, автор не только формулирует основные результаты и выводы исследования, но и намечает перспективные направления работы:

1. Урал – уникальный регион, удаленный от главного очага ротондальных храмов России – Москвы и Подмосковья, где в первой

половине XIX в. сформировался своеобразный очаг культового ротондального зодчества, ставший самым крупным, кроме столичного, на всей территории России. Архитектура уральских ротондальных храмов носит не провинциальный характер, а обладает чертами, присущими архитектуре исторически сложившихся культурных центров страны. Они имеют интересные объемно-планировочные решения и обладают высокими художественными достоинствами.

2. Наиболее востребованной на Урале стала преобладающая в Москве и Подмосковье трехчастно-осевая композиция храма-ротонды «кораблем», включающая «нанизанные» на одну ось колокольню, трапезную и основной объем-ротонду. Под влиянием этой композиционной схемы оказались также уральские храмы-ротонды, относящиеся по планировочному решению к группам симметрично-осевой и «скрытой» ротонд. Эти ротондальные церкви лишены трапезных, а их колокольни устроены над западным притвором. Одна из «скрытых» ротондальных церквей обладает двухбашенной композицией. Выявленные композиционные особенности уральских ротондальных церквей указывают не на прямое заимствование, а на продолжение и развитие указанных типов храмов-ротонд, сложившихся в столичной архитектурной школе.

3. Архитекторы, строившие на Урале, находились под влиянием московской архитектурной школы и академической школы Санкт-Петербурга, наиболее ярко отразившейся в пермской церкви. В горной части Урала доминирующим оказалось воздействие московской архитектурной школы М.Ф. Казакова, последователя В.И. Баженова. В заводских церквях отчетливо проявилось характерное для московского зодчества своеобразное нарушение нормативности классицизма, которого избегали петербургские мастера: отступление от принятой системы пропорций, последовательности и чистоты ордерных форм, бóльшая декоративность. Московская школа отчетливо проявилась и в планах уральских храмов-ротонд. В целом уральские ротондальные церкви отличаются композиционной строгостью архитектурного образа, характерной для зрелого классицизма.

4. Необходимо продолжить исследование ротондальных храмов Урала на основе расширенной источниковой базы (личной переписки заводо- и землевладельцев); провести исследование всех периферийных храмов-ротонд, в том числе церкви Казанской иконы Божией матери в п. Тельма Иркутской области – выдающегося произведения классицизма, о котором в этой работе вынужденно лишь упоминается. Это позволит дополнить

типологию российских ротондальных храмов новыми группами памятников. Необходимо и углубленное исследование архитектурного наследия И.М. Подъячева – уральского зодчего, уровень проектов и построек которого очень высок, на уровне лучших столичных образцов.

**Основные положения диссертационного исследования
изложены в следующих публикациях:**

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. Терёшина, О. Б. Уральский очаг ротондальных храмов [Текст] / О. Б. Терёшина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (66). – С. 208–221. – 1,1 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

2. Терёшина, О. Б. К вопросу изучения региональных архитектурных традиций [Текст] / О. Б. Терёшина // Развитие региональных архитектурно-художественных школ в контексте историко-культурных традиций. Материалы научной конференции. – Казань : КГАСУ, 2005. – Т. 1– С. 41–42. – 0,2 п.л.

3. Терёшина, О. Б. Развитие ротондальных форм в мировой архитектуре [Текст] / О. Б. Терёшина // Наука ЮУрГУ : материалы 60-й юбилейной научной конференции. Секции технических наук. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. – Т. 1. – С. 76–79. – 0,25 п.л.

4. Терёшина, О. Б. Храм-ротонда в русской архитектуре // Вопросы планировки и застройки городов: Материалы XVI Международной научно-практической конференции [Текст] / О. Б. Терёшина; под ред. проф. Ю. В. Круглова, доц. В. С. Глухова.– Пенза : ПГУАС, 2009. – С. 246–249. – 0,2 п.л.

5. Терёшина, О. Б. Уральские храмы-ротонды как часть культовой архитектуры России [Текст] / О. Б. Терёшина // Наука ЮУрГУ : материалы 61-й научной конференции. Секции технических наук. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – Т. 1. – С. 195–198. – 0,25 п.л.

6. Терёшина, О. Б. Ротондальное культовое зодчество на Урале [Текст] / О. Б. Терёшина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Строительство и архитектура. – 2009. – № 35 (168), Вып. 9. – С. 4–7. – 0,45 п.л.